

Высота прожитых лет

В театре это называется «возрастные роли», в быту проще — старики и старухи. Так вот, о старухах, образах которых столько сил и своего незаурядного таланта отдала актриса Кузьмина. Для кого-то Вера, для кого-то Вера Кузьминична, она уже много лет как отмечена званием — народная артистка СССР. А это — при любом нынешнем отношении к вышеозначенной аббревиатуре «СССР» — согласитесь, критерий, показатель масштаба — и дарования, и артистической деятельности.

Возрастных ролей на сцене Чувашского драматического театра имени К. В. Иванова Кузьмина сыграла великое множество, впервые примерившись к ним еще в ту пору, когда ей — по годам моложе своих героинь — приходилось прибегать к сложному гриму. Создала обширную галерею своеобразных, крепкой рукой выписанных портретов, исследований человеческой жизни на излете, воплощений итога.

Старухи. Матери. Прародительницы... Им не подходят камерность обстановки, замкнутый домашний уют. Они рвутся на простор, под открытое небо, к безбрежности вольной природы. И живут, чувствуя под ногами землю, ее запахи, краски, ее мощь

Стихия Кузьминой — трагедия, гротеск, классическая комедия. Тогда ее персонажи дышат полной грудью, замечательный актерский дар раскрывается во всем своем объеме и оригинальности. Простое становится заметным, частное — типичным. Но кто же не знает, как болезненны драматургические проблемы в национальных театрах, как часто то, актерам приходится играть, ниже их возможностей. И потому не скажу, что все старухи Кузьминой как одна мне по душе. Однако есть среди них создания замечательные.

Мать из «Кровавой свадьбы» Г. Лорки... Черные строгие одежды. Гордый постав головы. Обдуманная скупость жестов. Величавость — во всем. Мать не терялась в массе персонажей спектакля, всегда — будто в стороне и над, как некий дух рода, ревностная хранительница его чести, древних обычаев. Она потрясала в миг слепой ярости, страшного призыва к кровной мести, когда сильным неженским движением посыпала нож в землю. Потрясала и в миг прозрения, взлета души к высшей мудрости, покою всепрощения.

В недавней премьере Чувашского театра «Ежевика вдоль плетня» Б. Чиндыкова у Кузьминой снова роль, обозначенная просто и символично — Мать. Актриса словно бы исходит из этого. Простота, естественность бытового существования ее героини таят в себе незаурядную, трагедийную силу эмоционального взрыва. Как старое могучее дерево, Мать корнями уходит глубоко в землю, в бытие предков, ветвями прорастает в судьбы детей, внуков... Характер получился крупным, под стать притчево-философской природе спектакля.

Так бывает нечасто, но Кузьмина — именно тот «случай», когда в любой театральной стихии актерский дар проявляется с одинаковой убедительностью.

Почерк узнаваем, знакомы властная, выразительная лепка характера, магическое воздействие на зрительный зал — это она, великолепная, неповторимая Кетерук из комедии «Выйди, выйди за Ивана» Н. Айзмана, неукротимый бес озорства, насмешки, веселья, само воплощение оптимизма. Кузьмина играет вдовушку Кетерук давно. Но каждый раз будто впервые — в этой роли ее можно смотреть бесконечно.

Комариху, к сожалению, уже не увидишь («Деньги для Марии» В. Распутина), а это была яркая, смелая и тщательная работа в красках трагикомедии. На сцену Комариха не выходила, нет, она являлась звонко, заметно, выпевая буд-

то песню свои реплики, и сразу становилась центром событий. Ибо, как оказывалось, не для того лишь являлась, чтобы погадать Марии на картах, — актриса выносила на сцену всю жизнь своей героини, не очень-то милостивую к Комарихе, складную да приятную, — вон как в ней отковались хитрость, бесцеремонность, острый рефлекс самозащиты по принципу «нападение — лучший вид обороны». Комариха легко могла бы стать персонажем «отрицательным», если бы не юмор, не обаяние, не ослепительная улыбка, подаренные ей актрисой, если бы

не тот сильный свет сострадания, сочувствия чужой беде, который прорывался в ее поступках.

С такой же неоднозначностью жанра и смысла, на грани серьезного и смешного играла Кузьмина Клавье («Пожарная лошадь» Н. Терентьева), характер своеобразный, непредсказуемый.

Когда Яков — любовь далекой, еще довоенной молодости Клавье — придет к ней свататься (по всей форме обряда, с законным сватом!), перед ним предстанет некий объемистый ворох старой одежды — платки в несколько слоев, бесчисленные юбки, фартуки... Он едва движется, этот ворох, что-то сердито, постарушечьи бурчит, лица не видно — утонуло в тряпках. Ситуация складывается явно абсурдная. Но, может, именно поэтому в сцене вдруг происходит какой-то гротесковый слом, что-то нелогично сдвигается. Оставив ненадолго незванных гостей, Клавье явится разительно преобразенной, скинув этак лет двадцать, в красивом платье, симпатичная, ладная.

Не правда ли, какие-то странные театральные «штучки», чудеса мистификации в заурядном деревенском дворе. Или это своего рода метафора? Пусть слабым лучиком, блеснула надежда, и — отлетела угрюмость одиночества, можно выпрямиться, вернуться к себе самой. Именно теперь — как всегда у Кузьминой, крупно, эмоционально — открывается сила этого несломленного нелегкой жизнью характера. Доброта, целительная, мудрая доброта, нужная и Якову, и его внуку — всем.

Так что долгие прожитые людьми годы — всего-навсего лишь никчемная старость? Пожилой человек — отработанный шлак на выброс? Признаем, это укоренилось в самочувствии нашего общества, где, кажется, нет сегодня большей «вины» и «беды», чем пенсионный возраст. Но актриса, чьему огромному и жизненному, и творческому опыту нельзя не верить, актриса свидетельствует иное: «мои года — мое богатство».

Вот такие они, старухи Кузьминой. А ведь были в ее актерской биографии и девчонки-школьницы, и вихрастые мальчишки, и юные невесты, только еще открывающие для себя мир. Люди далекого прошлого, люди близкого настоящего. Сколько же может вместить в себя одна актерская душа!..

Галина ДАНИЛОВА.

● В роли Матери, «Кровавая свадьба» Г. Лорки.